

Моделирование художественного времени в романах Е. Четвергова

С. В. Шеянова

*ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва»,
г. Саранск, Российская Федерация,
sheyanovas@mail.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение: анализ художественного времени и пространства – один из продуктивных и эффективных путей исследования литературного текста, т.к. позволяет описать его жанровую специфику, сюжетообразующие центры, особенности композиции и нарративной конфигурации, проследить эмоционально-ценностные коды, перерастание образов от непосредственных зарисовок в ассоциативные образы-символы. Автор эксплицирует вопросы временных повествовательных ситуаций – реальных и условных, различных вариаций соотношения между ними, инструментария моделирования временного хронотопа, в литературном произведении обусловленные индивидуально-авторскими ценностными установками, концепцией человека и мироздания. Актуализированные в статье проблемы вписываются в контекст современного финно-угорского литературоведения.

Цель статьи заключается в исследовании приёмов и средств создания временного хронотопа, моделей временных ситуаций в романских экспериментах Е. Четвергова.

Материалы исследования: материалом исследования явились романы Е. Четвергова «Ванине» («Ванечка»), «Тесэ ды Тосо» («Здесь и Там»). В работе использован комплекс традиционных методов литературоведческого исследования (структурно-описательный, структурно-семантический), коррелирующих с современными подходами гуманитарного профиля (аксиологический, герменевтический). В статье также прослеживается междисциплинарный подход.

Результаты и научная новизна: в аспекте заявленной проблемы романы Е. Четвергова «Ванечка», «Здесь и Там» впервые становятся объектом научного осмысления. В ходе рассуждений по теме исследования авторы приходят к заключению о том, прозаик моделирует различные темпоральные пласты (настоящее, прошлое, будущее, перцептуальное, вневременное), при этом оперирует реалистическими и условными средствами образности (временные сдвиги, отклонения, нарушение реального хода событий, сновидение, манифестация мифологических картин и др.), что в совокупности позволяет ему репрезентовать самобытную авторскую концепцию мироздания и человека.

Ключевые слова: Е. Четвергов, хронотоп, художественное время, временной континуум, авторская концепция.

Для цитирования: Шеянова С. В. Моделирование художественного времени в романах Е. Четвергова // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 102–111.

Simulation of artistic time in the novels by E. Chetvergov

S. V. Sheyanova

*National Research Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
sheyanovas@mail.ru*

ABSTRACT

Introduction: analysis of artistic time and space is one of the productive and effective ways of research of literary text, because it allows describing its genre specificity, plot-forming centers, features of composition and narrative configuration; to trace emotional and axiological codes, the development of images from direct outlines into the associative images-symbols. The author explicates the issues of temporal narrative real and conditional situations; different variations of relationship between the time of narration, tools of simulation of temporal chronotope, which in the literary work are due to individual author's values, the concept of a man and the universe. The problems

actualized in the article fit into the context of modern Finno-Ugric literary criticism.

Objective: to study the methods and means of creation of temporal chronotope, models of temporal situations in novel experiments of E. Chetvergov.

Research materials: the novels of E. Chetvergov «Vanechka», «Here and There». A complex of traditional literary research methods (structural and descriptive, structural and semantic), correlating with modern approaches of the humanitarian profile (axiological, hermeneutical) were used in the work as well as the interdisciplinary approach.

Results and novelty of the research: in the aspect of the stated problem the novels of E. Chetvergov «Vanechka», «Here and There» for the first time become the object of scientific understanding. In the course of discussions on the research topic, the authors come to the conclusion that the prose writer models various temporal layers (present, past, future, perceptual, timeless), while operating with realistic and conditional means of figurativeness (temporal shifts, deviations, disturbance of the real course of events, dream, manifestation of mythological paintings), which together allows him to represent the original author's concept of the universe and man.

Key words: E. Chetvergov, chronotope, artistic time, time continuum, author's conception.

For citation: Sheyanova S. V. Simulation of artistic time in the novels by E. Chetvergov // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2019; 9(2): 102–111.

Введение

Проблема художественного пространства и времени, впервые актуализированная Г. Э. Лессингом в трактате «Лаокоон», в XX столетии нашла серьёзное изучение в работах отечественных теоретиков А. А. Потебни, М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачёва. Однако до настоящего времени целый ряд связанных с данными литературоведческими категориями вопросов не получил однозначного решения. Художественное пространство и время как «формы бытия эстетической реальности, особые инструменты моделирования художественного мира» [2] принято рассматривать во взаимосвязи, однако наиболее противоречивой категорией следует признать время, которое М. М. Бахтин называет основной составляющей литературного хронотопа [1]. Ю. С. Степанов отмечает, что «концепт этот столь труден уже сам по себе, да и к тому же столь запутан различными точками зрения и научными спекуляциями, что единственный способ внести хоть какую-то ясность в культурологическом отношении – это выделить в нём именно культурологический компонент, т.е. вопрос не о времени вообще, а о «времени мира» [11, 120].

Исследователь Н. Г. Юрасова актуализирует важные для интерпретации термина «время» литературоведческие понятия, в ходе рассуждений над заявленной проблемой приходит к манифестации мысли о том, что под художественным временем «следует, прежде всего,

иметь в виду время изображённых в произведении событий. <...> Художественное время не сводится к воспроизведению тех или иных свойств физического времени, на него накладывается отпечаток мировоззрения автора, в том числе его представления о времени. Поэтому можно сказать, что художественное время не противопоставлено концептуальному, оно само концептуально» [14].

Оригинальные исследовательские стратегии, различные варианты интерпретации художественного времени предложены зарубежными исследователями. К примеру, анализу концептуальных конструкций бахтинского диалогизма, основанного на понятии хронотопа, посвящена статья I. Machado [18]; влияние идей М. М. Бахтина, в частности концепция хронотопа и карнавальности, на развитие индоевропейской литературы рассмотрено в работе С. Brandist [15]; хронотоп в контексте проблемы романизации новеллистических форм исследуется в статье Р. Hitchcock [17]; уникальная особенность времени и пространства в романах И. Куприна в аспекте этических ценностей автора осмыслена J. Gao [16].

Мы не ставим цель разрешить многочисленные задачи, связанные с теоретическим осмыслением категории времени, нам важно проследить моделирование временного хронотопа отдельным мастером в конкретных художественных образцах. В процессе работы мы придерживаемся положения о том, что писатель всегда «стремится передать существенные признаки времени, изменить его ход, размыть, разомкнуть

его границы, прервать однонаправленность временного потока [10], а значимость пространственных или временных координат будет индивидуальна для каждого автора. Данная мысль прослеживается в основной части статьи в ходе анализа способов моделирования временных ситуаций, временного континуума в романном дискурсе Е. Четвергова.

Материалы и методы

Материалом исследования явились эпические эксперименты Е. Четвергова – роман воспитания «Ванине» («Ванечка») [12] и эпистолярный роман «Тесэ ды Тосо» («Здесь и Там») [13], впервые подвергающиеся научной рефлексии в аспекте обозначенной проблемы.

В работе использован ряд традиционных методов литературоведческого исследования: структурно-описательный, структурно-семантический, позволяющие провести скрупулезный анализ различных уровней эпического текста – сюжетно-нарративного, композиционного, проблемно-тематического, персонажной сферы. В статье привлечены современные подходы гуманитарного профиля (аксиологический, герменевтический), посредством которых актуализируются вневременные вопросы философского содержания о цельности человеческого бытия, духовных ценностях, нравственном выборе человека. Автор работы опирается на междисциплинарный подход, взаимосвязанное исследование литературного текста и выявление психологии творческого процесса, что способствует экспликации специфики творческого метода писателя, авторской концептуальности и его позиции по отношению к репрезентированным событиям, обстоятельствам и персонажам.

Результаты

Одним из самых ярких представителей современного писательского цеха Мордовии следует считать Евгения Четвергова (Нуянь Видяз). Правомерно манифестировать такие стороны его творческого таланта как активное стремление понять «многоголосие» жизни, полифоничность человеческой психики, её глубокую взаимосвязь с внешней средой, проследить развитие интенций героев во всём их многообразии и непосредственности, выявить

подробности эволюции характера не только под определяющим воздействием среды, но и в результате устойчивого, самостоятельного внутреннего развития. Е. Четвергов разрабатывает не только традиционные жанровые формы повести, рассказа, миниатюры, очерка, но и не имеющие в национальной прозе аналогов роман воспитания и эпистолярный роман, чем выводит крупные эпические формы национальной словесности на новый уровень художественного осмысления мира и человека.

В романе «Ванечка» Е. Четвергов прослеживает судьбу нескольких поколений одной семьи. Через историю конкретной семьи раскрывается полувековая судьба народа, художественным словом устанавливается «диагноз болезни» общества, определяются особенности национально-общественного и семейно-родового быта. Пространственно-временная субстанция национальной действительности представлена в контексте всех реалий: общественно-экономических, культурно-эстетических, нравственно-этических, этнофилософских. Автор репрезентует социальную среду в широком временном контексте, выделяя злободневные конфликты последних десятилетий – скоропалительное разрушение колхозной системы, вымирание села, отрыв человека от труда на земле, что привело к негативным проявлениям – деморализации общества, деградации личности.

Модель художественного времени в романе «Ванечка» определяется свободным перемещением временных потоков, что наблюдается как в авторских повествованиях-отступлениях, так и монологах главной героини – Акулины Вачаевой, образ которой соединил в себе «традиционные черты материнского идеала с этническими особенностями» [5]. За счёт авторских экскурсов достигается объективность повествования, субъективные формы повествования (монолог, несобственно-прямая речь) создают эффект непосредственного присутствия героини. Трансформация временного потока происходит плавно, незаметно. Одновременное «пребывание» героини в двух временных измерениях гармонично, не противоречит законам объективного времени. Чередование временных потоков выстроено таким образом, чтобы выразительно воспроизвести самые яркие и драматичные события жизни Акулины, сохранить её образ в целостности, раскрыть характер в разнообразии

его проявлений – как труженицу, жену, мать, соседку. Таким образом создаётся «оптимальная модель художественного времени» [7] – гармоничное совмещение разнопланового времени. Взаимосвязь в произведении темпоральных элементов, временных ситуаций обусловлена авторской философско-эстетической концепцией мира и личности.

В ретроспективных авторских отступлениях прошлое отражается в событиях, ставших ключевыми в жизни главной героини, в них очевидны отблески нравов, духовных потребностей, общественных событий и явлений второй половины XX века, настоящее предстает в трагических проявлениях социального и индивидуального. Таким образом специфика художественного времени в анализируемом романе заключается в антитезе двух его систем – прошлого и настоящего, причём противопоставление идёт не по принципу хорошее / плохое, а приобретает онтологический подтекст – в прошлом – молодость, любовь, надежда на создание семьи, воспитание ребёнка, что осмысливается основополагающими жизненными приоритетами, в настоящем – одиночество, разочарование, душевная опустошенность. Связующим звеном между этими двумя хронотопами является главная героиня. Именно в памяти Акулины прошлое приобретает такое яркое наполнение.

Хронотоп прошлого в романе – особая пространственно-временная система, в условиях которой героиня была счастлива, несмотря на трагические события, она жила полноценно, реализовалась как жена и мать. Автор подчёркивает это подробными воспоминаниями героини: «Годы идут тихо и незаметно, словно спелая малина, осыпающаяся от дуновения ветра. Будто вчера, осенним темным вечером, Николай Дораев провожал её, восемнадцатилетнюю девчущку до крыльца. Спустя несколько месяцев стали мужем и женой. Давно это было, сразу после кровавой войны. Прошли годы. Много лет. Однако кажется, пару дней назад встретила второго мужа, Ивана Каргаева. О нём остались добрые, согревающие душу, похожие на сладкий сон воспоминания. Нет сомнений – время уже не сотрёт их из памяти. Это подвластно лишь уходу в Иной мир...»¹ [12, 172].

Как известно, время художественного текста формируется событиями, их развитием и последовательностью, одновременно их описание перемежается с раскрытием психологического состояния персонажей. Таким образом эмоциональная динамика становится двигателем сюжетобразующей событийной канвы. По этому поводу интересными признаются наблюдения И. Р. Гальперина и его заключение о том, что временной континуум в художественном произведении «одновременно непрерывен и дискретен. Когда он непрерывен, он рисует действие, деятельность; когда он дискретен, он выражает состояние или качество» [3, 94]. У Е. Четвергова прошлое реконструируется посредством переживаемых Акулиной эмоций. Раздвигая границы времени, автор расширяет возможности психологизма, позволяет героине заглянуть внутрь своей души, осмыслить своё состояние. «Чувствуя усталость, Куля разделась и легла, накрывшись одеялом. В памяти опять всплыли встреча с Иваном, первая ночь, проведённая с мужем. Прожили с ним всего лишь год с небольшим, тогда почему так свежи воспоминания о том светлом времени? Чем Иван отличался от Миколя? Сделал меня матерью? Почему та пора была так коротка? Или действительно ярко горящая лучина быстро сгорает? Мысли-воспоминания – бескрылые птицы. Не зря, видно, древние назвали Идею Богом. Одни мысли сменились другими. Воспоминания словно перепрыгнули на несколько десятилетий назад в окутанные завесой времени послевоенные годы» [12, 174]. Сопряжение временных хронотопов позволяет углубить исповедальное начало, усложнить сюжетную структуру романа. Воспоминания-размышления женщины, повторившей судьбу миллионов советских женщин, чья молодость выпала на военное и послевоенное время, теряют узкое индивидуальное значение, приобретают обобщенное звучание, наполняются философско-аналитическим смыслом, вливающим в повествование ностальгически-трагическую лирическую струю. Воспоминания словно перерождают героиню, дают ей энергию, силу жить, вопреки жёстким обстоятельствам настоящего.

Прошлое постоянно перебивает ход настоящего времени, таким образом расширяется

¹ Перевод здесь и далее подстрочный. Автора. – С. Ш.)

событийный континуум произведения, мотивируется обращение к внутреннему пространству героев. Автор проводит мысль об индивидуальном восприятии времени персонажами. Если Акулина живёт воспоминаниями о прошлом, в её сознании временные потоки тесно сопряжены, то Ванечка изображён лишь в настоящем времени, он живёт потребностями лишь сегодняшнего дня. В сознании морально деградировавшего мужчины не возникают воспоминания о детстве, юности, родителях, его волнуют проблемы, вызванные алкоголизмом. Ванечка отказывается от своего прошлого, и лишается будущего – погибает в огне.

Хронотоп настоящего моделирует реальное время и реальное пространство – скудное событиями существование пожилой женщины, сломленной болью, страданиями, переживаниями за сына. Перед нами образ пространства без будущего, недаром Куля не только думает о смерти, но и желает её скорейшего прихода. Бездействие, ограничение возможности передвижения, постоянное ощущение стыда за поведение сына оказываются губительными для женщины.

Писатель отказывается от линейного времени. Размытость границ между прошлым и настоящим позволяет воспроизвести основные циклы жизни главной героини – человека «во времени». Роман заканчивается смертью Акулины. Трагедия не в том, что автор таким образом манифестирует пессимистичную мысль о конечности бытия, а в том, что смерть осмысливается единственным спасением женщины от позора за поведение и образ жизни сына.

Наряду с системой противоречащих друг другу миров в романе репрезентирован таинственный мир подсознательного (потустороннего), проявляющийся в предсказывающих неизбежное снах главной героини. Мир потустороннего – «вне времени и пространства, вне прошлого, настоящего и будущего. Он трансцендентен, недоступен для человеческой воли и понимания. В нём и гибель и освобождение, а возможно, и возврат в желанную реальность прошлого» [9]. Накануне смерти Куле снится сон-предсказание, «оповещающий» о скором трагическом событии. Женщине приснился её первый муж, который позвал её с собой, и она с радостью соглашается на его позыв. Куля предчувствует близкую смерть,

а автор посредством сна передает читателю импульсы, которые она получает из подсознания. Таким образом, сновидение героини помогает адаптироваться ей и читателю к предстоящему эмоциональному стрессу. Время сна – перцептуальное время. Посредством условной формы сновидения автор стремится исследовать психологию личности, придать повествованию ощущение мистического, непознанного, происходящего на уровне подсознания.

Для временной организации романа «Ванечка» характерны ослабление значения хронологии и перемежение временных потоков. Временные указатели совершающегося в настоящем нарратива часто отсылают к прошлому, подчёркивают ценностную значимость для главной героини событий прошлого. Посредством частого перемежения прошлого / настоящего выстраивается хронологическая последовательность событий главных персонажей и социума в целом. Временная локализация отдельных событий не играет в произведении такую важную роль, как ярко выраженная оппозиция настоящего и прошлого, посредством чего реализуется онтологическая проблема смысла человеческого бытия.

В научной концепции М. М. Бахтина, хронотоп является важнейшей жанрообразующей реальностью: «Хронотоп в литературе имеет существенное жанровое значение. Можно прямо сказать, что жанр и жанровые разновидности определяются именно хронотопом» [1, 10]. Иными словами, авторский выбор художественных средств создания пространственно-временного континуума определяют не только репрезентируемую картину мира, но и жанровые характеристики текста. В романе в письмах временные и пространственные отношения определяются характером эпистолярного дискурса.

Эпистолярный роман «Здесь и Там» демонстрирует сложность художественного метода Е. Четвергова. Писатель чуток к историософской проблематике, его привлекает тема творения мира, при этом в рамках реалистического письма он оценивает общественно-политические события XX столетия. Важными в его творческой концепции оказываются также размышления над судьбой отдельного человека, подверженного воздействию времени.

Переплетение разнородных тем, особенности художественного мышления писателя приводят к многоуровневости сюжетно-композиционной структуры романного текста.

Пространственные параметры романа «Здесь и Там» определить достаточно сложно, и не только в силу особенностей романной поэтики, проблема сводится к рецепции репрезентованной автором модели мироздания, представляющего сочетание разных миров, разных сознаний и миропорядков. С одной стороны, пространство весьма ограничено и сводится к «микросреде» – в романе лишь два главных героя, уже не молодые мужчина и женщина, которые даже в своих ретроспективных монологах не перемещаются на большие расстояния, поэтому пространство реального бытия героев не отмечается масштабностью и динамикой. С другой стороны, в произведении представлены два «макромира»: в письмах Валдая – реальный (Земной мир), (лишь последнее письмо сопровождается пометой «Мир Иной»), и условно-мистический, непознанный, неизведанный (Загробный мир) – в посланиях Вианы. Оппозиция двух сфер – земного и загробного – отражается и в названии произведения. Данная антитеза не только акцентирует оппозиционные концепты жизнь / смерть, но и дополняет модель: жизнь – смерть – жизнь после смерти. Для земного пространства характерен «неумолимый ход времени, проявляющийся в смене дней и ночей, сезонов, лет и столетий, в возрастах человеческой жизни, неизбежно приближающейся к старости и смерти» [8]. Движение, изменяющее земную жизнь, приводит к иному состоянию – к вечности. Иной мир лишён временной семантики. Пространство романа, таким образом, двупланово: картины реальной действительности перемежаются с описаниями мистического загробного мира. Следует отметить, что атрибуция Иного мира достаточно скупа и схематизирована, однако все, что связано с личными переживаниями героини, «достаточно детализировано не только на визуальном уровне, но и на уровне интуитивно-чувственного восприятия» [6].

Художественное время в произведении сложное, предстаёт как переплетение настоящего (времени переписки – с января 1999 по январь 2003 года), прошедшего (несколько

десятилетий), реанимируемого с помощью воспоминаний героев, и вневременного. Для эпистолярного романа обращённость в прошлое, как известно, становится характерным жанровым признаком: письмо предполагает повествование о случившемся, произошедшем. Однако роману «Здесь и Там» свойственна не только ретроспективность, но и направленность, устремлённость в будущее, более того – во вневременную вечность, отражённую посредством мифопоэтических характеристик. Следует сказать, что мифологичность авторского мышления предопределена мифологией эрзянского и мокшанского народов, однако мировосприятие, «отсылающее к природным и культурным константам, ориентированное на глубинную культурную «память», «воскресающее» архетипы» [8], способно преобразовываться в авторский миф или авторскую мифологическую модель мира, что наблюдается на примере романа «Здесь и Там», на страницах которого не только создаётся определённый контекст, но и репрезентована целостная авторская мифологическая идея, в отражении которой существенную роль играет хронологическая организация текста.

История переписки Валдая и Вианы длится четыре года. Эпистолярное время полностью совпадает с реальным временем. Послания Валдая имеют точную конкретную датировку: «2 января 1999 года», «20 июля 1999 года», «1 декабря 2001 года» и т.д. (Без пометы остаётся последнее, двадцать третье письмо, написанное после смерти героя). События, происходящие с героями на протяжении реального времени (настоящего), – составляют внешний контекст. Событийный ряд внешнего сюжета достаточно скуден, пассивен, направлен на воссоздание в памяти и осмысление героями отдельных эпизодов, фактов своей жизни, поступков и мыслей. Автор не акцентирует внимание на масштабе внешних действий, так как они приобретают эксплицитную направленность – потребность заглянуть «внутрь» человека, проанализировать его душевные движения.

Прошедшее в романе реконструируется посредством ретроспективного письма-монолога каждого из героев. Валдай и Виана

встретились более сорока лет назад, полюбили друг друга, попытались построить отношения, но судьба развела их дороги, хотя чувство первой любви никого из них так и не отпустило. Внутренний сюжет многогероен (главные персонажи и их окружение), динамичен, событийен. Однако и он не отличается социальной масштабностью, череда событий личной и общественной жизни интересна писателю, на наш взгляд, всего лишь как фон для проецирования внутренней сущности героев, как материал для анализа их психологического состояния.

Герои романа перемещаются в разных временных полях: настоящем (Валдай), прошлом (Валдай и Вяяна), вневременном (Вяяна). Такая организация хронотопа романа побуждает в читательской рецепции онтологические вопросы: что ждёт человека после смерти? В каких формах продолжится его существование? В какие субстанции трансформируется его плоть? Следует говорить о том, что время в анализируемом романе воссоздаёт целостность бытия человека, жизнь которого имеет начало и конец. Время является свидетельством единичности, индивидуальности человека, его внутренней жизни и конкретной судьбы, которая неповторима и необратима. Именно время подводит человека к концу, завершает его существование, лишает свободы и незавершенности. Посредством временного хронотопа в произведении реализуются сложные философские вопросы о судьбе, семье, взаимоотношениях между мужчиной и женщиной.

Справедливо утверждать, что многообразие пространственно-временных отношений, представленное в романе «Здесь и Там», «принимает форму теоретико-мировоззренческого осознания главными героями своего места и предназначения в мире» [4]. Аппеллирование к традиционным представлениям мордвы позволяет прозаику расширить пространство до космических масштабов, смешать временные топоры – прошлое, настоящее, вневременное, художественно манифестировать авторскую модель мироздания: жизнь – смерть – жизнь после смерти.

Обсуждение и заключение

Высказанные в работе положения подводят к заключению о том, что в романских экспериментах Е. Четвергов синтезирует различные темпоральные пласты (настоящее, прошлое, будущее, перцептуальное, вневременное) за счёт временных сдвигов, отклонений, нарушений реального хода событий, в чём прослеживается корреляция многовекового опыта человечества и индивидуально-авторской позиции.

Пространственно-временная система романа «Ванечка» строится как перемежение нескольких временных топосов: антиномичных прошлого и настоящего и времени инобытия – подсознательного, потустороннего, репрезентуемого посредством интуитивного перцептуального (психологического) времени – времени сна. Дуальная оппозиция призвана реализовать авторскую концепцию мира и человека, эксплицировать многообразие и противоречие их взаимосвязей. Временная оппозиция проявляется внутри романного пространства, отражаясь не только в событийной сфере, но и в нюансах внутреннего состояния и поведения персонажей.

Наблюдения над художественным хронотопом романа «Здесь и Там» позволяют сделать вывод о преобладающем внимании писателя к категории времени. Время является неотъемлемой характеристикой земного пространства, которому противостоит Мир Иной, определяемый концептами «вечность», «бесконечность». Автор создаёт особую художественную концепцию мироздания, в основе которой лежат мифологические представления древних эзрян и мокшан, что свидетельствует о его интересе к аутентичной культуре народа, оригинальности творческого мышления.

Специфика моделирования художественного времени в романских опытах Е. Четвергова обусловлена авторской концепцией мироздания и человека.

Список источников и литературы

1. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. С. 11–193.
2. Веденкова Е. С. Исследование художественного пространства-времени: вопросы методологии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 12. URL: <https://cyberleninka>.

ru/article/n/issledovanie-hudozhestvennogo-prostranstva-vremeni-voprosy-metodologii (дата обращения 27.11.2018).

3. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Едиториал УРСС, 2005. 144 с.

4. Грязнова В. М., Швецова Я. С. Специфика художественного пространства и времени в романном творчестве М. Ю. Лермонтова // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 4. С. 215–220. URL: http://www.ncfu.ru/uploads/doc/gui_2016_4.pdf (дата обращения 01.12.2018).

5. Косинцева Е. В. Женские образы в романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» // Гуманитарный вектор. 2010. № 3 (23). С. 75–79. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_15273363_98505532.pdf (дата обращения 23.11.2018).

6. Косинцева Е. В. Образ города в прозе Е. Д. Айпина (на материале рассказа «Осень в твоём городе») // Вестник угроведения. 2017. № 2 (29). С. 64–68. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_29457014_92579781.pdf (дата обращения 24.11.2018).

7. Кузьмич Н. В. Модель художественного времени и концепция литературного произведения // European science review. Секция 14. Филология и лингвистика. 2014. № 3–4. С. 157–159. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-hudozhestvennogo-vremeni-i-kontseptsiya-literaturnogo-proizvedeniya> (дата обращения 29.11.2018).

8. Маслова А. Г. Мифологизация художественного пространства и времени в творчестве С. С. Боброва // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 51. С. 162–176. URL: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=1667&article_id=37375 DOI: 10.17223/19986645/51/13. (дата обращения 03.12.2018).

9. Морозов Д. В. Художественное пространство-время в романе Набокова «Машенька» // Вестник Костромского государственного университета. 2007. № 1. С. 165–168. URL: <http://ksu.edu.ru/nauchnaya-deyatelnost/nauchnye-zhurnaly/vestnik-kgu.html> (дата обращения 25.11.2018)

10. Палькина Т. Н., Жиндеева Е. А. Способы моделирования художественного времени в образце современной поэзии Мордовии в контексте религиозных исканий автора // Вестник Чувашского университета. 2011. № 1. С. 288–292. URL: http://www.chuvsu.ru/images/stories/nauka/vestnik/vypusk/2011_1.pdf (дата обращения 22.11.2018).

11. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проспект, 2001. 990 с.

12. Четвергов Е. Ванине = Ванечка. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2011. 204 с.

13. Четвергов Е. Тесэ ды Тосо = Здесь и Там. Саранск [б.и.], 2013. 180 с.

14. Юрасова Н. Г. Проблемы методологии анализа художественного времени // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-metodologii-analiza-hudozhestvennogo-vremeni> (дата обращения 26.11.2018).

15. Brandist C. From Indo-European philology to the Bakhtin circle // Bakhtinian Explorations of Indian Culture: Pluralism, Dogma and Dialogue Through History. 1 January 2018, pp. 21–36. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85046832078> (дата обращения 17.11.2018).

16. Gao J. On the narrative chronotope and its ethical values in Kuprin's novels written in Russia // Foreign Literature Studies. 25 April 2016, Vol. 38, Issue 2, pp. 104–111. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri> (дата обращения 17.11.2018).

17. Hitchcock P. Novelization and serialization: Or, forms of time otherwise // Bakhtiniana. 2016. Vol. 11, Issue 1, pp. 165–182. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84962783655> (дата обращения 16.11.2018).

18. Machado I. The spatial form of the character as an aesthetic event chronotopically defined // Bakhtiniana. 2017. Vol. 12, Issue 2, pp. 80–109. URL: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85018871309> (дата обращения 15.11.2018).

References

1. Bakhtin M. M. *Formy vremeni i hronotopa v romane* [Forms of time and chronotope in a novel]. *Jepos i roman* [Epos and a novel]. Saint-Petersburg: Azbuka Publ., 2000. pp. 11–193. (In Russian)

2. Vedenkova E. S. *Issledovanie hudozhestvennogo prostranstva-vremeni: voprosy metodologii* [A study of the artistic space-time: issues of methodology]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye*

nauki [Tambov University Review. Series Humanities], 2011, no. 12. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-hudozhestvennogo-prostranstva-vremeni-voprosy-metodologii> (accessed November 27, 2018). (In Russian)

3. Galperin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovanija*. [Text as an object of linguistic research. 3rd ed.]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2005. 144 p. (In Russian)

4. Gryaznova V. M., Shvetsova Ya. S. *Specifika hudozhestvennogo prostranstva i vremeni v romannom tvorchestve M. Yu. Lermontova* [Specifics of artistic space and time in novel works of M. Yu. Lermontov]. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovanija* [Humanities and law studies], 2016, no. 4, pp. 215–220. Available at: http://www.ncfu.ru/uploads/doc/gui_2016_4.pdf (accessed December 01, 2018). (In Russian)

5. Kosintseva E. V. *Zhenskie obrazy v romane E. D. Ajpina «Bozh'ja Mater' v krvavyh snegah»* [Female images in the novel of E. D. Aipin «Mother of God in the Bloody Snows»]. *Gumanitarnyj vector* [Humanitarian Vector], 2010, no. 3 (23), pp. 75–79. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_15273363_98505532.pdf (accessed November 23, 2018). (In Russian)

6. Kosintseva E. V. *Obraz goroda v proze E. D. Ajpina (na materiale rasskaza «Osen' v tvoem gorode»)* [Image of a city in prose of E. D. Aipin (based on the story «Autumn in Your City»)]. *Vestnik ugrovedenija* [Bulletin of Ugric Studies], 2017, no. 2 (29), pp. 64–68. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_29457014_92579781.pdf (accessed November 24, 2018). (In Russian)

7. Kuzmich N. V. *Model' hudozhestvennogo vremeni i koncepcija literaturnogo proizvedenija* [Model of artistic time and the concept of a literary work]. *European science review. Section 14. Philology and linguistics*, 2014, no. 3–4, pp. 157–159. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-hudozhestvennogo-vremeni-i-kontseptsiya-literaturnogo-proizvedeniya> (accessed November 29, 2018). (In Russian)

8. Maslova A. G. *Mifologizacija hudozhestvennogo prostranstva i vremeni v tvorchestve S. S. Bobrova* [Mythologization of artistic space and time in the works of S. S. Bobrov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija* [Tomsk State University Journal of Philology], 2018, no. 51, pp. 162–176. Available at: http://journals.tsu.ru/philology/&journal_page=archive&id=1667&article_id=37375 (accessed December 3, 2018). DOI: 10.17223/19986645/51/13. (In Russian)

9. Morozov D. V. *Hudozhestvennoe prostranstvo-vremja v romane Nabokova «Mashen'ka»* [Artistic space-time in the novel by Nabokov «Mashenka»]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], 2007, no. 1, pp. 165–168. Available at: <http://ksu.edu.ru/nauchnaya-deyatelnost/nauchnye-zhurnaly/vestnik-kgu.html> (accessed November 25, 2018). (In Russian)

10. Palkina T. N., Zhindeeva E. A. *Sposoby modelirovanija hudozhestvennogo vremeni v obrazce sovremennoj poezii Mordovii v kontekste religioznych iskanij avtora* [Ways of simulation of artistic time in a sample of modern poetry of Mordovia in the context of the author's religious search]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2011, no. 1, pp. 288–292. Available at: http://www.chvsu.ru/images/stories/nauka/vestnik/vypusk/2011_1.pdf (accessed November 22, 2018). (In Russian)

11. Stepanov Yu. S. *Konstanty: slovar' russkoj kul'tury. 2-e izd.* [Constants: Dictionary of Russian culture. 2nd ed.]. Moscow: Akademicheskij Prospekt Publ., 2001. 990 p. (In Russian)

12. Chetvergov E. *Vanechka* [Vanechka]. Saransk: Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 2011. 204 p. (In Erzya)

13. Chetvergov E. *Zdes' i Tam* [Here and There]. Saransk: [w/p], 2013. 180 p. (In Erzya)

14. Yurasova N. G. *Problemy metodologii analiza hudozhestvennogo vremeni* [Problems of methodology of analysis of artistic time]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], 2008, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-metodologii-analiza-hudozhestvennogo-vremeni> (accessed November 26, 2018). (In Russian)

15. Brandist C. From Indo-European philology to the Bakhtin circle. *Bakhtinian Explorations of Indian Culture: Pluralism, Dogma and Dialogue Through History*, January 01, 2018, pp. 21–36. Available at: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85046832078> (accessed November 17, 2018). (In English)

16. Gao J. On the narrative chronotope and its ethical values in Kuprin's novels written in Russia. *Foreign Literature Studies*, April 25, 2016, no. 38 (2), pp. 104–111. Available at: <https://www.scopus.com/record/display.uri> (accessed November 17, 2018). (In English)

17. Hitchcock P. Novelization and serialization: Or, forms of time otherwise. *Bakhtiniana*, 2016, no. 11 (1), pp. 165–182. Available at: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-84962783655> (accessed November 16, 2018). (In English)

18. Machado I. The spatial form of the character as an aesthetic event chronotopically defined. *Bakhtiniana*, 2017, no. 12 (2), pp. 80–109. Available at: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85018871309> (accessed November 15, 2018). (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шеянова Светлана Васильевна – профессор кафедры финно-угорской филологии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарева» (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68); доктор филологических наук, доцент.

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410

sheyanovas@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Sheyanova Svetlana Vasilyevna, Professor of Department of Finno-Ugric Philology, National Research Ogarev Mordovia State University (430005, Russian Federation, the Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevistskaya st., 68), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor.

ORCID ID: 0000-0002-6504-3410

sheyanovas@mail.ru